

В. Н. ДМИТРИЕВСКИЙ,
Е. Р. ДМИТРИЕВСКАЯ

ФЁДОР ШАЛЯПИН ЦАРЬ-БАС

Учебное пособие

Издание третье, стереотипное

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

Д 53 Дмитриевский В. Н. Фёдор Шаляпин. Царь-бас: учебное пособие / В. Н. Дмитриевский, Е. Р. Дмитриевская. — 3-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань: ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2023. — 460 с. — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-507-48288-7 (Изд-во «Лань»)

ISBN 978-5-4495-2752-39 (Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»)

Данная книга — подробная и достоверная, насыщенная драматизмом биография Ф.И.Шаляпина. Перед читателями предстает богатая и сложная личность певца, его окружение — актеры, режиссеры, художники, писатели, политические деятели его эпохи, а также любимые женщины, дети, друзья и недруги. Читатель узнает о взлетах, удачах его творческой жизни, об ударах судьбы, годах в эмиграции. В книгу вошли ставшие известными лишь в последние годы факты жизни певца — при большевиках, в эмиграции, впервые детально освещены отношения певца с Горьким.

УДК 784
ББК 85.314

Д 53 Dmitrievskiy V. N. Fyodor Shalyapin. The king bass: textbook / V. N. Dmitrievskiy, E. R. Dmitrievskaya. — 3rd edition, ster. — Saint-Petersburg: Lan: THE PLANET OF MUSIC, 2023. — 460 pages. — Text: direct.

This book is a detailed and reliable, dramatic biography of F.I.Shalyapin. The rich and complex personality of the singer, his entourage — actors, directors, artists, writers, politicians of his era, as well as beloved women, children, friends and foes appear before the readers. The reader will learn about the ups, the successes of his creative life, the blows of fate, the years in emigration. The book includes the facts of the singer's life that have become known only in recent years — under the Bolsheviks, in exile, for the first time the relationship of the singer with Gorky is highlighted in detail.

Обложка
А. Ю. ЛАПШИН

- © Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2023
- © В. Н. Дмитриевский, Е. Р. Дмитриевская, 2023
- © Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства, фото на обложке, 2023
- © Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», художественное оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	3
---------------------------------	----------

Часть 1 САМОРОДОК

<i>Глава 1. «Как во городе то было во Казани...»</i>	<i>7</i>
Театральные «ожоги»	18
Сесть мимо стула — хорошая примета	26
Побег к малороссам, или История с колбасой	35
«Ах, Ольга! Я тебя люблю...»	40
«Мы найдем вам театр!»	51
Уроки русского Кина	60
«Я благодарю Бога за первые неуспехи»	72
<i>Глава 2. Чудеса Нижегородской ярмарки</i>	<i>81</i>
«Безумно я люблю Торнаги...»	89
«Сатана там правит бал!»	95
Иван Грозный покоряет Москву	102
«Новый великий талант родился!»	108
Медовый месяц с «Борисом Годуновым»	118
Прощание с Частной оперой	125
На театральном Олимпе	136
«Ужег я их игрой!..»	155
«Альпы перешли. Париж покорен»	165

Часть 2 КУМИР

<i>Глава 1. Любимец литературной «Среды»</i>	<i>173</i>
Еремка со «Дна» и Мефистофель из преисподней	190
Врубелевский Демон Шаляпина	198
«Эх, дубинушка, ухнем!»	204
Московский дом	217
«В заботах светного света...»	227

Вечера в подвале и ночи под куполом	234
«Враг рутины»	246
<i>Глава 2. Денди из соборных певчих</i>	<i>255</i>
Символы Добра и Зла	263
Скандал с «коленопреклонением»	273
Глава двух семей	294
Конец мирной жизни	305
Венчание на киноцарство	313
В частных театрах	322
Песнь революции	333

Часть 3 ГРАЖДАНИН МИРА

<i>Глава 1. «...Освободить гений Шаляпина от экономического удушения»</i>	<i>339</i>
«Никакого смысла в моей работе нет...»	356
«Я снова чувствовал себя артистом»	374
Все дальше от России	382
<i>Глава 2. Наказание без преступления</i>	<i>397</i>
«Очень хотят тебя послушать Сталин, Ворошилов и др.»	406
«Здесь русский дух...»	424
«Умер только тот, кто позабыт...»	440
Литература	456

Глава 1

«КАК ВО ГОРОДЕ ТО БЫЛО ВО КАЗАНИ...»

В вестибюле казанской гостиницы «Франция» на черной доске мелом писали имена постояльцев. В конце августа 1912 года в списке гостей появилась фамилия — Шаляпин. Знаменитый бас приехал на родину — не гастролить, а «приватно». «Шаляпин решил дополнить свои мемуары более обширными воспоминаниями о своих детских и юношеских годах, и с этой целью он посетит все места, связанные с его детством, — сообщала газета «Казань». — Кроме того, Ф. И. Шаляпин специально везет из Петербурга фотографа, который будет производить снимки. Этими снимками будут иллюстрированы мемуары».

Федора Ивановича в поездках обычно сопровождал слуга-китаец с длинной косой. Имя ему было присвоено русское — Василий. Фотограф же

отыскался на месте — Г. Сотников, работавший под началом казанского аптекаря Эмилия Грахе. Владелец аптеки приходился родней Марии Валентиновне Петцольд, второй жене Шаляпина, которая, к слову сказать, была, как и Федор Иванович, родом из Казани.

Сотников сделал около пятидесяти снимков, запечатлев Казань времен детства великого артиста. За минувшие сорок лет город мало изменился. На одной из фотографий — облезлый дом с отбитой штукатуркой. Рядом с высоким, элегантным Федором Ивановичем седобородый портной П. И. Глузман. Когда-то он спасал маленького Федю от жестоких побоев. При встрече Глузман, разумеется, не узнал Шаляпина.

— Здравствуйте, господин! Что вам угодно? Что пошить?

— А где же сапожник?

— Помер года три назад.

— А помните его ученика Федьку?

— Федька? Был, был такой.

— А не знаете, куда он девался?

— Таки пропал. Правда, говорят, что знаменитый Шаляпин и есть тот самый Федька, только мне не верится...

Много воспоминаний было связано у Шаляпина с Суконной слободой. Узнав дом, в котором жил когда-то с родителями, он вдруг захотел его приобрести. Это оказалось невозможным: дом недавно был продан новому хозяину. (Впрочем, что стал бы делать Шаляпин с этим домом, представить трудно: скорее всего, желание стать «казанским домовладельцем» было лишь настроением момента...)

В Шестом начальном училище Шаляпин фотографировался с учениками. На фото — несколько десятков наголо стриженных мальчишек. Узнав о при-

езде артиста, пришел в училище старый звонарь Лукич, с ним Федор пел в Духосошестввенской церкви. Вместе со своим учителем Н. В. Башмаковым и Лукичом Федор Иванович на три голоса спел «Да исправится молитва моя» и «Покаяние отверзи ми двери»...

Несколько дней спустя после приезда артиста в Казань в той же гостинице «Франция» остановился приятель Федора Ивановича литератор Степан Гаврилович Скиталец. Шаляпин собирался куда-то идти:

— Вот, завернул в Казань взглянуть на родной город, хожу здесь, отыскиваю те места, где когда-то жил... Пойдем вместе прогуляемся...

Приятель вошли во двор древнего живописного монастыря. Кладбище... Полутемная церковь, служба, молящиеся прихожане...

— Зайдем в общежитие, — сказал Шаляпин. — Там есть комната, в которой я жил.

В мрачноватом здании с длинным полутемным коридором пахло щами и помоями. Из засаленных дверей торчала рваная обивка. В конце коридора Шаляпин остановился.

— Вот! В этой комнате!

Мимо них проходил чернобородый молодой монах.

— Можно нам войти сюда? — спросил Шаляпин. — Нам только посмотреть...

— Можно, можно, — отвечал монах, оглядывая незнакомых гостей.

«Мы вошли в ужасную, полутемную, сырую комнату, в которой, по-видимому, теперь никто не жил, — вспоминал Скиталец. — Стекла единственного окна, кажется, никогда не мылись. Голая койка, некрашенный грязный стол и какая-то рухлядь на полу.

Шаляпин опять долго стоял молча, о чем-то думая. Казалось, он ожидал, как и у сапожной мастерской, встретить то хорошее, что — он помнил — было здесь когда-то!

Или вспомнил он юного монастырского служку с пылкой головой, обуреваемой несбыточными мечтами, которому было хорошо здесь?.. И отчего было хорошо?.. Не от пламенной ли юной фантазии, не замечавшей окружающего убожества и уносившейся в сказочное царство?

Отчего же теперь тут так голо, неприглядно и холодно, словно навсегда ушло отсюда то, что как будто оставил здесь юный мечтатель?

Я не мешал Шаляпину думать и молчал все время, пока мы возвращались к нему в гостиницу.

Войдя, он, не снимая пальто и шляпы, сел на стул, стоящий посреди комнаты, и, облокотившись на трость, незаметно для самого себя запел тем тихим, за душу хватающим фальцетом, каким умел петь только Шаляпин:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..»

...Что же побудило знаменитого певца, разрываемого на части заграничными контрактами, выступлениями в Москве и в Петербурге, устремиться в Казань? «Великий артист», «несравненный художник», «царь басов» — одна из самых популярных фигур 1900—1910-х годов. Портреты Шаляпина выставлены в витринах магазинов, фотоателье, тиражируются в открытках, красуются на обертках шоколадных конфет, его именем названы папиросы и одеколоны. Приятель Шаляпина, известный критик и драматург Ю. Д. Беляев, как-то заметил: «Я боязливо смотрю в ту сторону, где Шаляпин не сам он, а,

скажем, здание его таланта, его репутация, подобная Ивану Великому, блеск его золотой шапки, колокола его славы».

Эта тревога имела основания. Между реальной жизнью певца и его репутацией, создаваемой молвой, сплетнями и пересудами, — «дистанции огромного размера». Газетные слухи не раз вынуждали артиста братья за перо, опровергать сенсации и сплетни, оправдываться, объяснять свои поступки, высказывания, уточнять факты биографии. И, надеясь если не покончить с нелепыми домыслами, то по крайней мере внести долю истины в представления публики о себе, Шаляпин решает издать мемуары. С этой мыслью он и наведаясь в Казань. Певец хотел освежить в памяти атмосферу и события детства и отрочества, встретиться с людьми, некогда знавшими его, сфотографироваться с ними и потом описать свою жизнь такой, какой она виделась ему самому или уж во всяком случае такой, какой он хотел представить ее читающей публике.

И. А. Бунин писал о Шаляпине: «...любил он подчеркивать свои силы, свою удачу, свою русскость, равно как и то, «из какой грязи попал в князи». Раз он показал мне карточку своего отца:

— Вот посмотри, какой был у меня родитель. Драл меня нещадно!

На карточке был весьма благопристойный человек лет пятидесяти, в крахмальной рубашке с отложным воротничком и с черным галстучком, в енотовой шубе, и я усомнился: точно ли драл? Почему это все так называемые «самородки» непременно были «нещадно драны» в детстве, в отрочестве? «Горький, Шаляпин поднялись со дна моря народного»... Точно ли «со дна»? Родитель, служивший в уездной земской управе, ходивший в енотовой

шубе, в крахмальной рубашке, не Бог весть какое дно».

Карточка, о которой упоминает Бунин, сделана в Вятке за несколько лет до смерти Ивана Яковлевича Шаляпина. Ее можно видеть в московском Доме-музее Ф. И. Шаляпина на Новинском бульваре. На обратной стороне фотографии дочь певца написала: «Шуба была подарена отцу Федором Ивановичем». Ни галстука, ни крахмальной рубашки на снимке мы не увидим. Отец любил рубашки мягкие, с отложным воротничком, вместо галстука носил ленточку или шнурок и этой привычке не изменял. Умер Иван Яковлевич в 1901 году неподалеку от Вятки, в маленькой больнице, находившейся в восьми верстах от деревни Сырцово (ее еще называли Шаляпинки). Он был родом отсюда, до восемнадцати лет крестьянствовал, потом подался в город, служил дворником, водовозом, к двадцати годам выучился грамоте.

Женившись на девушке из соседней деревни Лагуновской, Евдокии Прозоровой, Иван Яковлевич обосновался с молодой женой в Казани, поселился на Рыбнорядской улице, в доме Лисицына. В метрической книге казанской Богоявленской церкви записано: «1-го февраля 1873 года у крестьянина Вятской губернии Ивана Яковлева *Шаляпкина* (курсив наш. — *Авт.*) и его законной жены Евдокии Михайловой родился сын Федор». На другой день, 2 февраля, младенца крестили «крестьянин Владимирской губернии Николай Алексеев Тонков и казанского мещанина Родиона Петрова Шишкова дочь девица Людмила Родионова». Ошибка в метрической книге сделана то ли по небрежности, то ли потому, что крестный отец был мало знаком с семьей крестника.

Дочь певца Ирина в 1953 году встречалась с престарелой хозяйкой дома на Рыбнорядской. Та поведала собеседнице: матери Федора пришлось побегать по соседям, уговаривая их окрестить ребенка. Федор был крещен на следующий день после рождения. Видимо, отец и мать так торопились с крестинами потому, что старший брат Федора Василий умер во младенчестве. К тому же день крестин пришелся на Сретенье, и соседи, вероятно, не хотели отвлекаться от гулянья ради малознакомых людей.

Шаляпины переехали в Казань незадолго до рождения Федора. Крестная мать — Людмила Родионова Харитонова (Шишкова) в преклонные годы жила в московском доме артиста на Новинском бульваре. Она и рассказала Ирине Федоровне, как мать-портниха велела ей, тринадцатилетней девочке, крестить младенца: «Когда положили мне на руки ребенка, я, боясь его уронить, заплакала на всю церковь, закричал и младенец. Так до конца крестин мы с ним и голосили...»

В семье соседа сапожника Николая Алексеевича Тонкова в эту пору также случилось прибавление семейства. Крестный отец Федора Тонков в той же Богоявленской церкви окрестил и свою дочь Александру. (Потому, наверное, и дал согласие стать крестным отцом Феди — заодно.) Впоследствии Шаляпины и Тонковы дружили домами. К Николаю Алексеевичу в ученье отдали Федора, когда он подрос.

Скорее всего, став знаменитостью, Шаляпин забыл о своем крестном, но в 1904 году неожиданно получил от него письмо:

«Любезный сын Федор Иванович!

Большой промежуток времени прошел с тех пор, как я Вас видел в последний раз, и в это время я успел настолько состариться, что чуть хожу и плохо

вижу, а потому не могу работать по своему ремеслу сапожника.

И до моего слуха дошло, что Вы в настоящее время стоите настолько высоко, что я в Вашу бытность в Казани два раза пытался видеть Вас, но меня как дряхлого старика приняли за нищего в моих лохмотьях, а потому попросили убираться подальше восвояси. Вот как, сынок!

Услышал я также и о том, что Вы много делаете добра... а потому и решил написать Вам, пожалейте меня и мою старуху, пришлите нам сколько-нибудь денег, чем премного обяжете и заставите вечно молить о Вас пред Всемогущим Богом.

Живу я в том же доме Лисицына, ныне Богаудиновой, на Рыбнорядской улице, где Вы родились и воспитывались...

Остаюсь Ваш крестный отец

Николай Алексеев Тонков.

С этого времени Шаляпин считал своим долгом помогать семье крестного.

Вскоре после рождения Федора отец пошел служить писарем в Казанскую уездную земскую управу. Заработки отца начались с пятнадцати рублей и постепенно увеличились до тридцати пяти. Получал он и ежегодные денежные награждения, но они не влияли на благополучие семьи. Тому виной был тяжелый, неуживчивый характер Ивана Яковлевича, усугубленный беспробудным пьянством. «Отец мой был странный человек... Трезвый он был молчалив, говорил только самое необходимое и всегда очень тихо, почти шепотом... Я не помню, чтобы он в трезвом состоянии сказал грубое слово. Если его что-либо раздражало, то скрежетал зубами и уходил, но все свои раздражения он скрывал лишь до поры, пока

не напивался пьян, а для этого ему стоило выпить только две-три рюмки. И тогда я видел перед собой другого человека... Пьяный, отец приставал положительно к каждому встречному... Бывало, какой-нибудь прилично одетый господин, предупредительно наклонив голову, слушает отца с любезной улыбкой, со вниманием спрашивает:

— Что вам угодно?

А отец вдруг говорит ему:

— Желаю знать, отчего у вас такие свинячьи глаза?»

Во хмелю Иван Яковлевич бил жену, доставалось и детям. Евдокия Михайловна боялась перечить мужу, кротко сносила побои и брань. Не сохранилось ни одной фотографии матери артиста. Только в «Страницах из моей жизни» Шаляпин дает словесный портрет: «А внешне мать была женщиной, каких тысячи у нас на Руси: небольшого роста, с мягким лицом, сероглазая, с русыми волосами, всегда гладко причесанными, — и такая скромная, малозаметная... Есть у нас на Руси какие-то особенные женщины: они всю жизнь неутомимо борются с нуждою, без надежды на победу, без жалоб, с мужеством великомучениц перенося удары судьбы».

Лучшие воспоминания о детстве связаны у певца с деревней Ометьево, где Шаляпины снимали домик у мельника Тихона Карповича Григорьева и его жены Марии Кирилловны. В эту пору у Евдокии Михайловны было трое ребятишек мал мала меньше. Старшему Федору пять лет. Запомнились длинные вечера: мать с соседками пряли при свете лучины, рассказывали друг другу страшные истории. За работой женщины часто пели. «Певал я часто с матушкой моей, она была очень милой домашней песельницей. Голос был простой, деревенский, но прият-

ный. И мы часто голосили с ней разные русские песни, подлаживая голоса».

У отца был красивый, бархатный бас. Он с чувством пел «Как по матушке по Волге». Песни, которые Федор слышал в детстве, войдут впоследствии в его концертный репертуар. Предваряя исполнение песни «Эх ты, Ванька», Шаляпин напоминал: «Записано со слов моей матушки».

В Ометьеве Федор слышал хороводные, обрядовые песни «зеленых святок» — на Семик, когда девушки в сарафанах и алых лентах, юноши в ярких рубахах кружились в хороводах. «Поступь, наряды, праздничные лица людей — все рисовало какую-то другую жизнь, красивую и важную, без драк, ссор и пьянства».

Из Ометьева семья возвратилась в Казань, сперва в дом на Рыбнорядской улице, где некогда родился Федор, затем перебрались в Собачий переулок и наконец в Татарскую слободу. Внизу, в подвале, звенели кузнечные молотки, рядом во дворе каретники обивали экипажи свежевыкрашенной кожей и цветным сафьяном, мастера прилаживали колеса, чинили хомуты и конскую упряжь. И сквозь этот шум, звон, гвалт вдруг прорывалась песня, которую запевал, выйдя во двор, молодой кузнец. «Когда кузнец запевал песню, мать моя, сидя за работой у окна, подтягивала ему, и мне страшно нравилось, что два голоса поют так складно. Я старался примкнуть к ним и тоже осторожно подпевал, боясь спутать песню, но кузнец поощрял меня...»

Как-то зимой, до устали накатавшись на деревянном коньке, Федор забежал погреться в церковь и там впервые услышал хор. Среди певчих на клиросе были и мальчишки-ровесники с нотами в руках...

Позднее, когда семья Шаляпиных поселилась в казанской Суконной слободе, Федя вновь услышал церковное пение во дворе. Оказалось — выше этажом проводит спевку проживающий там регент Иван Осипович Щербинин. Федор попросился в хор, довольно быстро освоил азы нотной грамоты и вскоре стал петь в Духосошестввенской церкви. Щербинин назначил ему первое в жизни жалованье — полтора рубля в месяц.

Федор делал несомненные успехи. Регент брал его с собой в разные церкви, на молебны, свадьбы, похороны, а спустя некоторое время взял в архиерейский хор Спасского монастыря.

Отец не считал пение стоящим занятием и потому отдал сына в ученье к сапожнику Николаю Алексеевичу Тонкову. Подростку нравилось у крестного. В мастерской на полках в стеклянном шкафу были аккуратно разложены сапожные колодки, свежеспянувшая кожа. Жена Тонкова, тихая и добрая женщина, угощала Федора орехами и мятными пряниками. «Голос у нее был ласковый, мягкий и странно сливался для меня с запахами пряников; она говорит, а я смотрю в рот ей, и кажется, что она не словами говорит, а душистыми пряниками...»

В ту пору в Казани свирепствовала скарлатина. Все трое детей Шаляпиных слегли. Болезнь унесла брата Николая и младшую сестру Евдокию. Федор остался в живых.

Попытки научить сына полезному ремеслу успеха не имели. Как сказочный колобок, Федор убежал и от жестокого сапожника Андреева, и от токаря. В конце концов Иван Яковлевич отдал сына в Шестое начальное училище. Здесь наставником его стал Николай Васильевич Башмаков, любитель-скрипач и знаток хорового пения.

Федор мог слушать игру учителя без конца. В светлую минуту он даже убедил родителя купить на толчке за два рубля скрипку и с жаром приступил к освоению скрипичной игры, однако скоро был остановлен отцом:

— Ну, скважина, если это будет долго, так я тебя скрипкой по башке! — предупредил тот.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ «ОЖОГИ»

Первые театральные впечатления Федор пережил в рождественском балагане, на Николаевской площади. На масленицу, Пасху и святки пыльная площадь оживала, появлялись качели и карусели, лотки с воздушными шарами и глиняными свистульками. Надрывались шарманки, горланил Петрушка...

Федору было лет восемь, когда он увидел известного в волжских городах балаганного деда Якова Мамонова. Его «выходы» ярко запечатлелись в душе подростка. Одетый в домотканый армяк и лапти, Яков веселыми прибаутками зазывал публику в балаган, импровизируя красочные сценки из быта мастеровых, солдатского и городского люда. «Эх вы, сестрички, собирайте тряпички, и вы, пустые головы, пожалуйста сюда! Эй, золовушка, пустая голова, иди к нам, гостинца дам! Прочь, назем, губернатора везем!» — кричал он, держа в руках истрепанную куклу.

Подросток часами неотрывно наблюдал необычное зрелище. «Может быть, именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интересом к театру, «к представлению», так не похожему на действительность... Под влиянием Яшки в меня настойчиво вселилась мысль:

хорошо вдруг на некоторое время не быть самим собою! — вспоминал певец уже много лет спустя. — И вот в школе, когда учитель спрашивает, а я не знаю, — я делаю идиотскую рожу... Дома является у меня желание стащить у матери юбку, натянуть ее на себя, устроить из этого как будто костюм клоуна, сделать бумажный колпак и немного разрисовать рожу свою жженой пробкой и сажей. Либретто всегда бывало мною заимствовано из разных виденных мною представлений — от Яшки, и казалось мне, что это уже все, что может быть достигнуто человеческим гением. Ничего другого уже существовать не может. Я играл Яшку и чувствовал на минуту, что я — не я. И это было сладко. Яшкино искусство мне казалось пределом».

Но очень скоро новые впечатления затмили Яшкин балаган...

Казань конца XIX века — один из самых театральных городов на Волге. Тон задавали студенты университета — публика наиболее требовательная, не терпевшая фальши, ремесленничества на сцене. Актриса О. В. Арди-Светлова вспоминала: студенты в Казанском театре — это «и судьи, и исполнительная власть». «Театры были потребностью жизни, — писал друг Шаляпина художник К. А. Коровин, — Федор Иванович Шаляпин... провел свою юность в Казани, в Суконной слободе, и сохранил в себе сердце с великой любовью к искусству. Не потому ли, что у нас в каждом городе был театр? Не будь его — не было бы Шаляпина. И остался бы он типом Суконной слободы».

Многие годы держал антрепризу в Казанском театре Петр Михайлович Медведев — потомственный актер, двоюродный брат известной актрисы Малого театра Надежды Михайловны Медведевой, человек

высокой культуры, отличавшийся от большинства провинциальных антрепренеров художественным вкусом, серьезным отношением к сценическому искусству.

Как-то один из приятелей предложил Федору билет в театр на дневной спектакль. Изумленно разглядывал подросток огромный зал, стоя в последнем ряду галерки. Шумела публика, пахло газом: театры того времени освещались газовыми светильниками. Но вот вышел к пульту дирижер, грянул оркестр, и начался спектакль — «Русская свадьба в исходе XVI века» П. П. Сухонина, зрелище, насыщенное музыкой, танцами, пением и обрядовыми сценами. Спектакль окончился, восторженная публика долго вызывала артистов. Наконец опустили занавес, а Федор, будто зачарованный увиденным, не мог найти в себе силы покинуть зал. Театр поразила его в самую душу прекрасной возможностью преображения, приобщения к жизни других людей. Домой идти не хотелось. Немного побродив по городу, Федор вернулся и купил билет на вечерний спектакль. Чудесный и необычный мир открылся перед подростком!

«Русская свадьба» ставилась в Казани в 1883 году силами Первого Товарищества русских актеров во главе с артистами М. И. Писаревым и В. Н. Андреевым-Бурлаком. В труппе служил и будущий писатель В. А. Гиляровский, выступавший под псевдонимом В. Сологуб. Вечером того же памятного Федору дня первого посещения театра состоялся бенефис М. И. Писарева в роли Русакова в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись», а после его окончания «любимец публики» В. Н. Андреев-Бурлак читал отрывки из гоголевских «Записок сумасшедшего» и рассказы собственного сочинения.

Шаляпин не пропускал ни одного выступления Андреева-Бурлака, он запомнил с голоса некоторые его устные рассказы и впоследствии пробовал даже читать их с эстрады. Жизнь актера скоропостижно оборвалась в Казани, куда он приехал на гастроли в 1888 году. Весь город вышел проводить любимого артиста. Шаляпин участвовал в отпевании Владимира Николаевича в Воскресенской церкви, оттуда траурная процессия двинулась к университету, к городскому театру и Панаевскому саду (на его эстраде часто выступал артист), а затем на Арское кладбище.

Вспоминая о театре в Казани, Шаляпин называет «Медею» — драму А. С. Суворина и Н. Е. Буренина, популярную в те годы переделку трагедии Еврипида, восторженно говорит об исполнителях главных ролей Н. В. Пальчиковой и М. К. Стрельском. Правда, новейшие исследования уточняют: первоначально Федор видел в роли Медеи другую актрису, А. Я. Романовскую, любимицу поволжской студенческой молодежи, прозванную почитателями ее таланта «саратовской богородицей». «Я смотрел на сцену, где светила взятая с неба луна, страдала Медея, убегая с детьми, метался красавец Язон... Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым. Возвращаясь домой по пустынным улицам, видя, точно сквозь сон, как редкие фонари подмигивают друг другу, я останавливался на тротуарах, вспоминал великолепные речи авторов и декламировал, подражая мимике и жестам каждого».

Мастером сцены, в совершенстве владевшим пластикой, жестом, движением, интонацией, считал Шаляпин Ивана Платоновича Киселевского. «Этот знаменитый актер гремел в конце прошлого века в ролях «благородных отцов» — вообще джентльменов. Я видел его на сцене в Казани, когда был

еще мальчиком». Киселевский славился элегантностью, аристократическими манерами, с успехом играл Скалозуба, Кречинского, великолепно исполнял характерные роли. Режиссер П. И. Мельников считал, что от Киселевского Шаляпин «схватил благородную читку». Незадолго до смерти актера в 1897 году Шаляпин встретился с ним в Нижнем Новгороде — случайно оказались в одной гостинице — и с благодарностью рассказал ему о своих отроческих впечатлениях.

Удивительным откровением стали для Федора оперные спектакли! Артисты не только красочно воссоздавали богатую невероятными приключениями жизнь своих героев: объяснялись в любви, страдали, жаждали отмщенья, торжествовали победу, трагически погибали, но еще и пели под музыку большого оркестра. Федору стало «тесно» на галерке, его душа рвалась из зала на сцену, он хотел сам стать участником захватывающего волшебного театрального действия. И это, казалось бы, совершенно невыполнимое желание вдруг стало возможным: для массовых сцен театру срочно понадобились статисты. Высокого нескладного парня с горящими глазами обрядили в темный костюм, вымазали лицо жженой пробкой и даже обещали за работу пятак. По команде ведущего спектакль актера массовка выбегала на сцену, кричала «Ура!» в честь Васко да Гамы, и едва ли не искреннее и восторженнее других радовался прибытию португальского мореплавателя Федор Шаляпин. Это была опера Дж. Мейербера «Африканка».

Тогда же Федор впервые услышал «Фауста» Ш. Гуно. Звезды оперной труппы — бас С. К. Ильешевич — Мефистофель и тенор Ю. Ф. Закржевский — Фауст поражали публику артистизмом, одухотворен-

ностью, «горячностью и нервностью в пении, умением быть разнообразным в каждой роли, мастерством в создании типов». Он был превосходным Елиазаром в опере Ф. Галеви «Жидовка», Раулем в «Гугенотах» Дж. Мейербера. Федор совершенно пленен певцом, стоя за кулисами в ожидании массовых сцен, он не отрываясь следил за каждым его движением.

Когда в 1912 году Шаляпин приедет в Казань собирать материалы для автобиографии, он снова встретится с Закржевским, к тому времени сильно постаревшим и почти забытым. На нищенскую жизнь свою он зарабатывал случайными уроками. «Я имел грустную честь помочь ему немножко и видел на его глазах слезы обиды и благодарности, слезы гнева и бессилия. Это была тяжелая встреча. Пропал голос, и нет человека, он всеми забыт, брошен...»

Эта последняя встреча с Закржевским оставила глубокий след в душе Шаляпина. Опасность потерять голос временами преследовала и пугала его. В памяти возникал забытый публикой кумир — Закржевский.

Но вернемся в 1887 год. В Панаевском саду шли непритязательные спектакли для казанской детворы. Старый актер Владимиров (настоящее имя Я. Г. Чистяков) подобрал для Федора роль жандарма Роже во французской мелодраме «Бродяги». В зеленом мундире с красными эполетами, клеенчатых ботфортах, лосинах и треуголке Федор вышел на сцену, но, увидев публику, внезапно оцепенел и молча стоял до тех пор, пока не дали занавес. Разъяренный антрепренер пинками выгнал незадачливого дебютанта из сада.

Родители не разделяли увлечений сына. Федор вдохновенно рассказывал матери о театре.

— Отец и то все говорит, что ты ничего не делаешь. Я тебя, конечно, прикрываю, а ведь правда, что бездельник ты!

И действительно ни сапожника, ни токаря сделать из Федора не удалось. Когда после окончания училища у него обнаружился неплохой почерк, Иван Яковлевич устроил сына писцом в земскую управу. Но такая работа оказалась Федору не по нутру: тянуло в театр, в нем забывалась нужда, грубые нравы Суконной слободы...

В 1888 году отца увольняют со службы: ухудшилось зрение, он стал часто делать ошибки в документах, ссорился с начальством, пил. Федор становится кормильцем семьи. Но конторское дело отвращало его, и летом он поступает статистом в драматическую труппу В. Б. Серебрякова с жалованьем 15 рублей в месяц. Это была первая штатная должность Федора в театре. «Исполнял ли Федя роль безмолвного палача в сердцещипательной мелодраме, или сурового опричника в свите Ивана Грозного, или старого лакея с бачками, который передавал посмертное письмо самоубийцы женщине, изменившей ему, — во всем через этого безмолвного «статиста» звучало великое искусство театра», — вспоминал Н. И. Боголюбов, в ту пору начинающий актер, а впоследствии известный режиссер. Конечно же он преувеличивал заслуги скромного статиста, ставшего потом легендарной фигурой. Но сам певец именно с 1889 года отсчитывал свой артистический стаж. Тогда же Федору удалось спеть первое соло — маленькую партию Зарецкого в «Евгении Онегине» — спектакле, сбор от которого пошел в пользу нуждающихся студентов Казанского университета.

Успеть и в управу, и в театр было сложно. Федор часто манкировал службой, ссылаясь на головную

боль; окончилось это печально: из управы его уволили. Не удержался он и в Судебной палате. Как-то взяв работу на дом, он по дороге засмотрелся на книжки в лавке букиниста и с ужасом заметил, что потерял сверток с документами. За этот проступок Федор был с позором изгнан со службы. Другой работы не предвиделось. Тогда-то и возникла мысль уехать из Казани всей семьей куда-нибудь на юг, где и теплее, и жизнь должна быть более благополучной. И вскоре Шаляпины оказались на верхней палубе парохода товаро-пассажирской линии А. А. Зевеке, отправляющегося вниз по Волге — в Астрахань...

В этом неторопливом путешествии Федор увидел Волгу во всей ее удивительной красоте. Он даже не спал по ночам, боясь пропустить то, «что необходимо видеть».

Астрахань встретила Шаляпиных нуждой и голодом. Жили в грязной тесной хибарке. Мать поначалу пекла пироги на продажу, мыла посуду на пароходах — тогда дома появлялись кухонные объедки; ими можно было как-то прокормить мужа, Федора и маленького Василия — младший брат родился в 1884 году.

Федор устроился было в хор в антрепризу Черкасова, выступавшую в увеселительном саду «Аркадия». Ему дали ноты — оперу «Кармен», но отец в ярости разорвал их.

— Ты, скважина, зачем вытащил нас сюда, чтобы с голоду умирать? — кричал он. — Тебе, дьяволу, кроме театров, ничего не надо — я знаю! Будь прокляты они, театры...

...Быть может, память артиста сохранила этот эпизод, чтобы легче было объяснить себе и читателям окончательный разрыв с семьей. Позднее в книге «Маска и душа» Шаляпин признавался: «Матери-

альные лишения не мешали мне быть весьма счастливым. В сильной груди рокотал молодой бас, на свете были песни, и предо мною, как далекая мечта, соблазнительно расстился в небе млечный путь театра».

СЕСТЬ МИМО СТУЛА — ХОРОШАЯ ПРИМЕТА

Из Астрахани он решил махнуть в Нижний Новгород: на ярмарке можно подзаработать рассказчиком на садовой эстраде. Федор нанимается крючником на идущий вверх по Волге буксир с караваном барж, грузит арбузы, пятипудовые мешки с мукой, сгибаясь под их тяжестью. Грузчики посмеивались: «Привыкай, шарлатан, кости ломать!»

Этот эпизод шалапинской биографии впоследствии даст журналистам основание для легенды о «бурлацком прошлом» певца, хотя длилось оно всего две недели.

...Пароход сделал стоянку в Казани. Встреча со старыми друзьями, веселое застолье в трактире заслонили мечту о Нижнем Новгороде. Так и остался на пароходной палубе нехитрый багаж Федора, любимая книга — стихи П. Ж. Беранже в переводе В. С. Курочкина, ноты — «трио» «Христос воскрес», сочинение юного Шалапина... Пришлось снова усаживаться за ненавистный писарский стол в Духовной консистории — платили по 8 копеек за страницу, на еду хватало. Так прошло полтора месяца.

...По вечерам в Панаевском саду играла опереточная труппа. Знакомый хорист посоветовал Федору:

— Семенов-Самарский набирает хор для Уфы: просись!

Семена Яковлевича Семенова, удвоившего себе ради пущей звучности фамилию дополнением «Самарский» — чтобы не путали с другими многочисленными Семеновыми, — Федор видел в «Нищем студенте» К. Миллекера: как и вся публика, в особенности дамская ее часть, был покорен жгучими роковыми глазами и черными нафабранными усами.

— Сколько вам лет? — спросил Самарский.

— Девятнадцать. (Молодой человек прибавил себе два года.)

— А какой голос?

— Первый бас.

— Знаете, я не могу платить вам жалованье, которое получает хорист с репертуаром.

— Мне не надо... Я без жалованья... Мне нужно столько, чтоб как-нибудь прожить, не очень голодая...

Самарский ухмыльнулся и положил хористу скромное вознаграждение — 20 рублей в месяц. Это сколько же страниц нужно было бы переписать каллиграфическим почерком, скрючившись над столом в Духовной консистории!

Быть может, Семенов-Самарский и не вспомнил бы о своем широком жесте, да и вообще об этой встрече, но через двадцать лет имя хориста будет греметь по всему миру. И тогда «первый импресарио», как назовет его Шаляпин, выступит в «Петербургской газете» с воспоминаниями.

«В один прекрасный день утром кто-то постучался в мою дверь в Волжско-Камских номерах. Вошел молодой человек, застенчивый, неуклюжий, длинный, очень плохо одетый — чуть ли не на босу ногу сапоги, в калошах... Хор у меня был уже сформирован, для Уфы он был даже слишком велик — человек около восемнадцати. Но Шаляпин произвел на